

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Ненормальная (как всё началось)

Никогда бы не подумал, что опущусь до такого... Никогда, честно. Я встряхнул градусник, показывавший улётную температуру за 39 (для меня практически невыносимую) и с трудом поднялся, что бы одеться. Андрюха терпеливо ждал, смотря на меня с ухмылкой.

— Ну, как, готов к труду и обороне?

— Отвали, будь так добр, — прохрипел я с трудом. В горле немного першило, в лёгких отвратительно булькало, но хуже всего было в голове и... не поверите, грубо говоря, между ног...

С тех пор, как я расстался с последней девушкой, прошло уже больше полугода. Работа, учёба и снова работа как-то отвлекали, пока 2 недели назад бронхит не свалил с ног... И тут началось. Сначала стал мучить сам член... Напрягался неожиданно и некстати, пульсируя и передавая странную, такую знакомую любому, наверное, мужчине, кроме самого завязанного импотента, дрожь возбуждения вверх по животу и по спине. Я считал, что это из-за болезни, мало ли куда там эта кровь надумывает приливать, неудобно, конечно, но сойдёт, бывало и хуже. Но он прямо рвался в бой, и чем выше становилась температура, тем фиговее становилось мне и члену, напряжение в котором доводило меня до тихих постанываний, самому не верилось.

Стискивал зубы и терпел, на большее сил всё равно не хватало. Потом стали мучить сны... Сплю я с детства «как застреленный», особенно если устану. Все мои девушки до ужаса боялись этого мертвецкого сна и имели отвратительное свойство будить меня среди ночи, дабы проверить, откинул ли я копыта, или ещё нет. А тут... просыпался каждый час, намучившись так, что тошно было... Снились безумно страстные ласки неизвестных рук и губ... Сплетение горячих тел, ну, моего, само собой, и неизвестного девичьего... стоны, полные эротического томления и наслаждения... Это было катастрофой. Но я крепился... По мере того, как лёгкие наполнялись мокротой, а голова туманом, я понял главное: меня предало тело. Всё. И мозг. Мне хотелось ласки.

Невыносимо. Это было ужасающим открытием. Каким-то странным образом болезнь скрутила меня, вывернув сознание — мне страстно хотелось именно ласки... Ласки с большой буквы, что бы нежные или не очень, тут уж выбирать не приходится, женские руки касались моего воспалённого тела... гладили горящую, болезненно чувствительную сейчас кожу трепещущими пальцами... и глаза... почему-то главными казались глаза... что бы тёмные и смотрели с нежностью... И не говорите, что это идиотство, сам знаю. Я всегда был независимым и свободным, гордился этим, а тут... Хоть вой, ей-Богу... К тому же, я вообще предпочитал голубоглазых. Я мутировал? Когда эти невыносимые мучения достигли апогея, на помощь внезапно пришёл Андрюха, старинный и не очень-то надёжный друг.

Выслушав мои неоконченные, смущённые и сбивчивые объяснения во время визита вежливости, он хлопнул меня по колену так, что отдался хлопок где-то в и так звенящей макушке, и заорал:

— Ну, всё понятно!

— Что «всё»? — довольно угрюмо переспросил я. Честно, не представлял себе, что можно было понять из моих путанных, нервных объяснений, похожих на параноидальный бред.

— Всё, абсолютно, — он похлопал меня по плечу гораздо мягче, чем по колену и стал копать

в записной книжке. У него в жизни не было мобилы, вот такой старомодный мой старинный друг. Схватил телефон и, быстро набрав какой-то номер, стал молча прислушиваться к гудкам.

— Ах, чёрт, не то, — заявил он, услышав кокетливое «алло» на том конце провода.

— Что-что, в психушку меня собрался упрятать? — родил я мрачную шутку.

— Не... подожди... кажется, вот этот... — прислушиваясь к гудкам, он коротко пояснял мне:

— Короче, слухай... я знаю, кто тебе поможет однозначно, не трепыхайся и держись, ща всё будет нормалёк. Есть такая девчушка, как раз то, что тебе щас надо.

Я поперхнулся чаем без малинового варенья, ибо мне неоткуда было его взять, и слабо дёрнулся, пытаясь отнять у этого психа трубку. Он толкнул меня на кровать и пригрозил пальцем.

— Дрюх, да тебе самому надо того, мозги проверить. Ты что творишь?! Ничерта не понял и лезешь!

Он спокойно выслушал меня и поднял палец, что бы я замолчал. В трубке раздалось какое-то детское «Алё?», и я уже подумал, что он опять бросит трубку.

— Милая... Эт старый друг... Можно с тобой кое-что обмозговать? — забормотал он как-то очень умиленно в трубку и отошёл на кухню.

Я повалил на кровать своё измученное болезнью, температурой и дикой жаждой ласки тело.

Он вернулся из кухни, сияя, как начищенный качественным гуталином сапог.

— Собирайся, командир. Как бы не опоздать.

После бессмысленных споров, обессиливших меня вконец, мы выползли из дома. Сидя в такси, я зло смотрел на Андрея. У него было странное лицо... Очень странное.

— Что ж ты наделал, урод? — прошипел, точнее, пробулькал я. — Так я и думал, что ты НИ-ЧЕР-ТА не понял... Я не могу с... прос... с... девушкой лёгкого поведения, это... это мерзко, это грязно, Дрюх...

Он посмотрел на меня странно. Очень странно. Куда-то сквозь меня.

— Кто сказал, что я не понял, командир? А? Ты думаешь... — он помолчал и продолжил как-то хрипло, с тоской. — Ты думаешь, что если я всегда такой крутой мэн, у которого всегда всё супер, то мне, блин, никогда не хочется, что бы женские глаза посмотрели хотя бы с участием и пальчики прикоснулись ласково? Никогда не бывает, думаешь, у меня такого, что проснёшься ночью и орать хочется от боли внутри, потому что приснится такая нежность, что скулы сводит? Ты думаешь... Брат... иногда так мало надо, а этого «мало» нигде не достать...

Я опустил голову. Сейчас мне было нужно много, офигенно много.

Дверь, покрашенная фиолетовой краской, расплывалась перед моими стреляющими глазами. Я зажмурился, что бы снять напряжение.

— Андрей, вы? — спросил детский голос из-за двери.

— Милая, мы, мы, открывай, тут больной.

Дверь быстро распахнулась, но перед моими глазами плыли фиолетовые, цвета двери, круги, овалы, ромбы и прочие геометрические фигуры.

— Да-да, я помню, помню. Проходите же. Посади его в кресло, вон то, оно удобнее.

Меня посадили, и я наконец закрыл глаза и расслабил ноющее, усталое тело, разрываемое болью и желанием. Удивительное сочетание.

Детский голос доносился из соседней комнаты, его обладательница переговаривалась с Андреем. Что-то такое было в её интонациях, что у меня чуть было не навернулась крошечная

слеза на глаза, до того я стал слабый и чувствительный. Чёртов бронхит...

Дверь захлопнулась и всё вокруг стихло, только шумел ветер за окном, но меня это не интересовало. Меня вообще ничто не интересовало, я твёрдо решил собрать остатки сил, гордости и... мммм... терпения и отвалить отсюда как можно быстрее, пока обладательница не вернулась и не стала досаждать мне.

Несмотря на возбуждённость члена и тела в общем, я был готов воевать за свою чистоту и неприкосновенность хоть зубами и ногтями, которые тоже ныли по-своему. Я даже не пытался открыть глаза, экономя силы.

Время текло беззвучно. Я попытался встать, но рухнул обратно, чувствуя, как кровь в висках пульсирует в унисон с членом, заставляя меня судорожно вздыхать.

Прохладная рука легла на мой лоб сама собой, мне она даже показалась слишком холодной, наверное, из-за температуры. Я замер. На место руки положили влажное, чуть тёплое полотенце, и вздох облегчения вырвался сам собой. Полотенце впитывало жар лба и воспалённых век, и кровь отлила от головы... Если бы можно было так остудить меня между ног...

Но там оставалось слишком горячо и напряжённо. Я даже не заметил, как и когда мягкие, такие же прохладные губы коснулись моих зажмуренных век. Щека прижалась на секунду к моей щеке, она была тёплой, но это было приятно... Какая-то давящая нервозность постепенно отпускала меня. Я выдохнул и замер. Те же губы прикоснулись к пылающим щекам, уголкам губ и, прижавшись к шее, замерли на несколько секунд. Я вдохнул глубоко и снова замер. Губы целовали шею... раз за разом приоткрываясь шире и шире, пока я не ощутил лёгкое прикосновение губ, зубов и языка одновременно... — Ммммм... — выдохнул я с лёгким стоном помимо воли и почувствовал, что начинаю таять.

Губы чуть осмелели и двинулись вниз по шее, затем вдоль линии воротника свитера, и немного под него. Я тихо млел. Всё те же ладони прижались к моим горящим щекам, и я ощутил, как мои скованные жаром и болью челюсти расслабились, отдав жар этим ладошкам. Затем ладони легли на мои, и мои пальцы как-то сами переплелись с маленькими мягкими пальцами. Мои руки потянули вверх, и я послушно поднял их. Свитер медленно поскользился вверх вместе с футболкой и был довольно ловко снят с моей гудящей головы. Сразу стало прохладней, теперь горящим торсом я ощущал движение воздуха вокруг моей странной... знакомой. О том, кто она, я теперь наоборот старался не думать. То есть я-то старался думать, но все части моего тела усиленно сопротивлялись, а сил на борьбу с ними с каждым движением этой девушки у меня становилось всё меньше.

Я приоткрыл глаза и застонал от света, который сразу же ударил по ним, довольно яркого. В комнате раздались шаги, и веками я почувствовал, как свет стал глуше и мягче. Уже совершенно горячее полотенце сменилось на новое, холодное и освежающее. Что-то... м... горячий язычок легко прошёлся по векам. Я даже зажмурился от такой странной, но удивительно приятной сейчас ласки. Незнакомка легко села мне на колени лицом ко мне. Не знаю, на что она опиралась, но я почти не чувствовал её. А вот она наверняка чувствовала... Я уже не раз поразился потрясающей крепости моих джинс. Натянутые ужасно сильно, они хоть и доставляли мне некоторую долю мучительного удовольствия, но тем не менее стойко держались. Всё тот же горячий язычок лизнул краешек моего уха... легонько прикоснулся к мочке другого...

Опустился к шее и провёл по ней влажную дорожку к груди.

Я задышал как-то сбивчиво и сжал зубы, что бы не стонать как сопливый мальчишка. Язычок выводил обжигающие дорожки на груди... Порхнул по соску... Я вздрогнул и открыл глаза. Что же это она такое делает??? Перед моими замутнёнными глазами медленно нарисовалась фигура сидящей на моих коленях девушки с тёмными длинными волосами. Приятно приглушённый свет не резал глаза, и я с трудом разглядел, что она была в каком-то халатике. Язычок поехал вверх по шее, и уже горячие губы покрыли её жаркими поцелуями с нежными, едва заметными покусываниями. Я «поплыл» и безвольно откинул голову назад. Дышать без стонов я мог только через сжатые зубы. Её губы сомкнулись вокруг соска. Эти сладостные посасывания заставили мою кровь запульсировать во всех местах... другой сосок был сжат зубками и тщательно вылизан язычком.

— Ммммм... — только и сказал я, чувствуя, что если бы не болезнь, то Незнакомке было бы не миновать банального изнасилования. Эти игры распалили меня так, что в горле уже не просто першило, а пересохло напрочь.

Губы провели дорожку из поцелуев по моему животу... ниже и ниже... Всё-таки, я постанывал сквозь сжатые зубы, когда влажный, чуть шершавый, но такой нежный язычок тщательно вылизывал низ моего живота. Это становилось невыносимым. Я хотел сказать ей, что так она доведёт меня до того, что я закончу, не успев начать, но сухое горло не желало извлекать никаких звуков, кроме стонов, и в конечном итоге я разразился потрясающим кашлем настоящего туберкулёзника. Меня согнуло. Незнакомка соскочила с колен и... — я, было, перестал кашлять от удивления — заботливо обняла меня за спину и держала, пока приступ не прошёл. Наконец, я вздохнул.

— Пить... — попросил я и чуть не упал — до того жалобно и слабо прозвучал мой голос. Она сорвалась с места и вложила стакан в мою руку. Нифига. Что со мной было, я никак не мог поднять его нормально и только расплёскивал воду. Стакан исчез из руки. Я приоткрыл глаза и широко распахнул их. Её губы прижались к моим губам, язычок быстро растолкнул их и разжал зубы, и вода влилась ко мне из её рта... Поверите ли, нет, мне она показалась какой-то особенно вкусной. Незнакомка замерла, наблюдая за реакцией. Какая же ещё тут может быть реакция? Я облизнулся и приоткрыл губы.

— Ещё...

И снова горячие губы у моих губ, и живительная влага из её рта... ммммм... от какого-то сладостного ощущения я слегка застонал.

— Ещё, ещё... пожалуйста... Я сказал «пожалуйста»???

И снова горячие влажные губы... Ещё, ещё и ещё... Под конец я не вытерпел и впился в них своими губами. Она замерла на секунду, и вдруг неловко освободилась и отвернулась поставить стакан. Я никак не мог разглядеть её лица, а мне уже так хотелось. Но она словно специально вновь припала губами к моему животу, и я откинулся на спину, стараясь расслабиться.

— Джинсы... — прошептал я, но она уже сама расстёгивала ремень и джинсы и спустила их... о да, наконец... Уже гудящий член вырвался на волю, скованный только тканью плавок. Я с трудом помог ей скинуть их вниз и нетерпеливо посмотрел на плавки. Вот её зубки уцепились за край резинки... И плавки поехали вниз. Я призывно застонал, но они остановились.

Она слегка натянула ткань плавок и прижалась раскрытыми губами к головке через ткань. Я застонал, нетерпеливо двинув бёдрами навстречу.

— Расслабься... — тихо скорее шепнула она впервые за всё время и горячодохнула на головку.

— Расслабишься тут, — прохрипел я. Руки сжались в кулаки, зубы стиснулись. А она пробежала подушечками пальцев по горячему, пульсирующему члену и слегка погладила его. Он так уютно скользнул в её ладошку от моего неловкого движения бёдрами. Внезапно она встала. Показала мне на кровать, стоящую тут же, рукой. Мне не хотелось на кровать, это ведь так... интимно... Но это говорил я, а моё тело, даже мои мозги всё давно решили за меня. Я разглядел белоснежную простыню, откинутое одеяло.

Кровать была узковатой для двоих, но меня уже несло туда, а Незнакомка крепко поддерживала меня, и вот я бухнулся на кровать, успев увлечь её за собой. Так приятно было ощутить холодные простыни горячей до боли кожей. Теперь вся Незнакомка была в тени, что всё же печалило меня. До тех пор, пока она не села мне на ноги и я не почувствовал её зубки, стягивающие наконец плавки. О, как это было чудесно. Член, наконец, был свободен и чуть ли не взвился вверх. Я увидел, что он уже начал болезненно изгибаться от перевозбуждения, и молился, что бы она продолжала... Только в том же духе, пожалуйста... В каком? Я не знал, но... если бы она стала делать всё как все, я бы отпихнул её и предпочёл бы тупо закончить сам. Но она... Она прижалась к нему щекой. Да, щекой. Так нежно... и замерла.

Член бешено запульсировал, я издал какое-то странное постанывание. Она сидела, прижавшись к нему щекой и поглаживая его кончиками пальцев, иногда вместе со своими волосами, которые упали на него. Как маленького ребёнка. Я застонал от чего-то, похожего на нежность, что переполняло меня. И попробуйте поверить, он... как будто послушался её... эти мягкие, ласковые касания словно сняли излишнее возбуждение, и этот болезненный изгиб члена постепенно исчез. Это возбуждение ушло куда-то вверх по позвоночнику и заставило мои пальцы вздрагивать, а соски — сладко ныть. И вот... я задержал дыхание... Самым кончиком языка она прошлась по контуру головки. Ещё раз. Медленно... А потом всей шириной языка.

— Ммммм... — застонал я и закусил губу, очнувшись. Все мои ощущения сконцентрировались на головке... Она вылизывала её медленными, неспешными движениями, тщательно... Её горячий, чуть шершавый язычок заставлял меня немного вздрагивать, но я держался. Пока она не взяла член за основание и не направила головку в рот так осторожно, будто она была фарфоровая, не меньше. Её губы обняли головку и засосали её глубже в рот.

Я выгнулся и закусил губу сильнее.

— Что ж ты делаешь-то???

Никакой реакции. Словесной. Но была другая... Головка скользнула глубже в рот и упёрлась в нёбо, прижимаемая язычком. Я зажмурился. Но начались эти мягкие, осторожные покачивания головой... Головка тёрлась о нёбо, вызывая бурю эмоций, и я распахнул мутные глаза. Медленно она выпустила головку... И сразу же погрузила в рот вновь... теперь глубже и быстрее, извлекая рык наслаждения из моего горла, и глубже, глубже... Внезапно замерла... Я перебирал её волосы дрожащими, негнушимися пальцами, и старался никуда не торопить... Никогда меня не ласкали так медленно, обстоятельно и с таким явным наслаждением. Выпустила член, покачивая головой. Ммммм... что же это такое...

Я всё ещё сдерживал постанывания, кусая губы. Ладошка легла на них внезапно, мешая мне калечить свой грешный рот, из которого рвались свидетельства того, что мне безумно хорошо. Я поцеловал пальцы, и ладонь быстро испарилась. Ого, какая стеснительная. Она покрыла весь член поцелуями... Погладила его язычком со всех сторон... Особенно ласково

прошлась по его основанию, прикоснулась к горящим, ноющим яичкам, они были словно в огне, и эти ласки только усилили его. Затем по внешней стороне члена вернулась обратно к головке... На пути язычок встретил уздечку и пощекотал её. Я зарычал сильнее, впиваясь руками в простыни. Она поцеловала уздечку посасывающим поцелуем, захватив ствол члена губами. Я дёрнулся. Мне показалось, или она умилённо улыбнулась? Губы прикоснулись к кончику головки... Язычок пощекотал его, потихоньку... и быстрее... быстрее...

— Уфффф... ммм... — сказал я сквозь зубы, а она прислушалась к этой ерунде так, как будто это была фантастическая музыка венгерского композитора 18го века. Подождала пару секунд... обхватила член губами и быстро погрузила его в свой горячий, влажный рот так глубоко, что головка упёрлась в горло.

— Ааааооооххх... — взвыл я, еле удержавшись от того, что бы не завершить это чудо так внезапно и слишком быстро взрывом, хотя яйца молили об этом.

Она внимательно выслушала этот стон, словно спрятала его в памяти, и меееедленно выпустила член изо рта... Так медленно, что у меня перехватило дыхание. И начала новую атаку на головку... Нет, мне нужна была пауза... хотя бы крошечная... я не мог позволить себе закончить так безвольно и скоро.

Я взял её лицо в свои ослабевшие от болезни и наслаждения ладони и потянул к себе наверх. Она попыталась увернуться, пряча глаза, но мои губы опять прошептали это жалкое «пожалуйста», и она послушно поднялась.

— Милая... что ты со мной делаешь??? Я с ума сойду, — прохрипел я, заглядывая в её глаза. Тёмно-карие, тёплые. Они смотрели на меня так ласково, что заныла головка члена и по нему вновь пробежали мурашки.

— Как, что?... люблю тебя, — сказала она мягким удивлённым шёпотом и повела влажную дорожку по моей груди.

Я ошеломлённо замер. «Люблю тебя». Действительно любит. Не трахает, не еб*т, не сосёт, не делает минет и даже не ласкает. А любит.

Это было небольшим шоковым открытием, но поцелуи внизу живота отогнали все мысли, и я прикрыл глаза блаженно. Поцелуи перешли на член, на поверхность ствола, яички, кожу вокруг члена, и я задёргался. Она стала какой-то неожиданной. Губы и язык обжигали поцелуем головку, затем впивались в основание члена, захватывали кожу на нём сбоку и слегка засасывали, ловили и выпускали головку и обхватывали яички.

— Уфффффф, — выдохнул я облегчённо в момент неожиданного затишья, и почти пожалел об этом. Головку обхватили горячие губы, и член быстро заскользил глубоко в горячий, тугой, влажный ротик.

Я выгнулся. И тут началось... она двигала головой, наращивая темп, выпускала член до самой головки и быстро всасывала до упора и глубже... ещё глубже, выпустив его наполовину, она прижимала окаменевшую головку к нёбу и покачивала головой, выпускала его и сразу же ловила губами обратно. Я стонал, мычал, дрожал и извивался, вцепившись в простыни. Мыслей не было, весь мир для меня сосредоточился на моём члене, на мучительно остром наслаждении, волнами расходящемся по моему трясущемуся телу, и на моей мучительнице. Я чувствовал, что ещё немного — и я взорвусь, но каждый раз перед этим она внезапно отстранялась, вырывая из моего горла хрипы мучения. Она держала меня на грани, и я сходил с ума.

Вот очередная волна накатила на меня... весь член погружался в её рот и выскользывал из

него с невероятной скоростью, я стонал не переставая и уже замер в предвкушении... как она сдавила головку, и волна наслаждения подкатила близко-близко и... отступила.

Я уже понял, что даже если сойду с ума, ничего не смогу с ней сделать, и я закусил губу. Она подула на член, хотя это уже давно не помогало, погладила его кончиками пальцев. Обхватила его ладонками и стала ласкать медленными, невыносимо медленными движениями. Вверх-вниз... вверх... вниз... Я готов был выть и биться головой о стену, подталкивая бёдрами член вперёд.

— Ну же... ну... я больше не могу... — прошептали мои губы неслышно, хотя я делать этого вовсе не собирался. Это было слишком тихо.

Руки убыстрились, вырывая из меня всё новые и новые стоны. Уже совершенно одеревеневший член пульсировал так, что отдавалось во всех частях тела. Яйца невыносимо сводило. И вдруг... головку обняли мягкие, горячие, влажные губы... засосали её...

— Ооооофф... — сказал я невольно.

— И погрузили её немного глубже... руки просто летали по члену, сжимая его крепко, а язык раз за разом вылизывал головку внутри этого жаркого ротика... моя голова металась по подушке, стоны и хрипы перемешались, волна невероятного наслаждения поднималась по позвоночнику куда-то вверх, накатывая на мозг, кровь бешено билась в ушах... и вот... член резко погрузился так мучительно сладко глубоко, я замер на долю секунды...

— Ааааа!!! Мммммм... оооо... оооо!!! Ох... уфффф... ммм!!! Дааааа!... да...

Изогнувшись, я взрывался нереальным наслаждением, меня выворачивало и трясло, перед глазами носились вспышки света и судороги оргазма проходили по моему телу, заставляя вздрагивать и изгибаться снова и снова.

Она с силой засосала головку и потянула яички вниз... это было так неожиданно и так сладко, что вторая волна накатила на меня, и я снова выгнулся, впившись рукой в её плечо.

— Мммм... ааааахх!!! Ооо... уфффф... Мм... милая..

Наконец, меня немного отпустило, и я расслабился. Приподнял веки, но перед глазами всё ещё бегали светлые круги и полосы. Она всё ещё обнимала головку губами и легонько посасывала её, высасывая остатки спермы, которой, как я чувствовал, излилось нереально много. Я просто взорвался, и даже сейчас по телу проходили какие-то остаточные судороги и дрожь.

Мягким язычком она облизала член и кожу вокруг него, подержала немного во рту напоследок и поцеловала головку в самый кончик. Я слабо застонал и совершенно непослушной рукой попытался приблизить её к себе. Дышал я так, как будто не дышал минут 10 до этого, сердце всё ещё колотилось в сумасшедшем ритме. Она медленно прилегла рядом и вытянулась. Я попытался уложить её на себя, но сил двигать уже не было. Она послушно положила голову на грудь, туда, где бешено билось сердце, и оно стало как-то утихать. Что-то мешало мне... когда она слегка приподнялась под мой недовольный стон и прижалась губами к моим губам, меня озарило — жажда.

Напоив меня из своего рта, она поправила подушку. Обтёрла моё покрытое потом лицо влажным полотенцем. Натянула на моё взмокшее тело одеяло. Улеглась обратно поверх него и ткнулась лицом в мою шею. Затем прижалась к шее губами и замерла.

Я блаженно застонал от последних, тихих волн наслаждения. И внезапно провалился в сон.

E-mail автора: koshechka_myau@inbox.ru